

**Александр
Коломийцев**
**с. Зональное,
Алтайский край**

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

– 1 –

Сверкающая колесница минула ворота, услужливо распахнутые братолюбивой розопёрстой богиней; неторопливо въехала на склон небесной сферы, наполнила светом эфир. Животворные лучи распространились на горы, ущелья, равнины, моря – творения демиурга; города, селения, нанизанные на дороги, мосты, каменные жилища богов – творения смертных. Славный город Милет в это благословенное тихое утро пробуждался ото сна, дабы воздать хвалу блистательному Фебу.

Улицы города во всякий день полнятся жизнерадостным людом, спозаранку стучат молотки ремесленников, торопятся в школу юные граждане, трудолюбивые рабыни не отходят от ткацких станков, гавани не устают принимать тяжело гружёные купеческие галеры. Годы отсчитывают олимпиады,

складываются в столетия, время течёт медленно, и словно ничего не меняется. Как и столетия назад, плещется море, носятся неутомимые ветры, превращая бирюзовую гладь в кипящий котёл. Есть старики, умудрённые жизнью, готовящиеся к последнему плаванию, есть бестолковая молодёжь, мнящая, что она иная. Но нет, всё меняется, ныне Милет не тот, что прежде. Хронос неумолимо отсчитывает мгновенья, хой, дни, годы. Человек рождается, из детства переходит в юность, молодость, зрелость, старость. Подобно человеку, города, государства из бурной молодости переходят в наполненный энергией расцвет, за которым следует затухание. Но в отличие от человеческих метаморфоз в переменах, изменяющих государство, повинно не безучастное ко всему и неумолимое в своём движении время, а события, обстоятельства, творимые людьми и не всегда понятные самим же людям своими последствиями. Сорок лет минуло с тех пор, как варвары, обозлённые верховенством милетян в восстании подвластных персидским царям ионийских полисов, ворвались в город и учинили невиданный погром. Мужчины пали на поле брани, прекрасные милетянки подверглись разнузданному насилию. Пылали жилища, рушились храмы, безбрежный эфир наполнился стонами и душераздирающими воплями. Главный порт не спасли стоявшие на страже мраморные львы – краса и гордость Милета, разграбленные склады опустели, рухнула колоннада, от храма Аполлона не осталось камня на камне.

Корабли со всего света, со всей необъятной Ойкумены приязненно и радушно встречала Львиная бухта. С Понта Евксинского, из Абидоса, Кардии, Синопа, Ольвии, Пантикапеи, Мемфиса, Афин, Коринфа, Мегар, Финикии, Крита стремились в гостеприимную гавань купцы. Чем только не полнились портовые склады, всякий товар, и вывозимый, и ввозимый, находил здесь надёжное укрытие. Понтийская пшеница, краски, милетские узорчатые ткани, розовое масло, афинская керамика, слоно-вая кость, хиосское вино, оружие, выкован-

ное лакедемонскими кузнецами, оливковое масло, без которого немислима жизнь эллины, – всё было здесь. Но не к добру цвел и богател Милет. Лакомым куском стали эллинские города для персидских царей. Не устояли против персов эллины, расселившиеся по берегам и островам Эгейского моря, Пропонтиды. Обложил Кир подпавшие под его власть города непомерной данью, лишил воли. Царская алчность не имела пределов, росла и дань. Скудели рынки, портовые склады. Не полноправными гражданами, свободными в своей воле, чувствовали себя эллины, а царскими рабами. Не выбирали архонтов, не сходились на народные собрания, дабы решать по своему разумению государственные дела, ибо хозяйничали в вотчинах царские наместники и тираны. Возмутились милетцы, скинули тирана, вновь зашумело народное собрание. Вслед за Милетом поднялась вся Иония, острова малые, Кипр. Полетели царские сатрапы вверх тормашками, как подстреленные вороны с тополей. Но сила силу ломит. Прошлись царские каратели по восстановленным городам огнём и мечом.

В дыму пожарищ померкло солнце. Жадные, ненасытные грабители грузили добытые не трудом, но мечом богатства на скрипучие арбы и отправляли в бездонное чрево Персидского царства. Завидуя глазам и несметной добычи показалось мало. Несчастивец Ксеркс, царевичем поставленный отцом во главе карательного войска, ограбил святая святых – Дидимейон, жилище Аполлона Дидимского. Вслед за караванами с богатой добычей в Персидскую державу потянулись толпы невольников. Слетелись стервятники на поживу. Как скот, перебирали персидские вельможи уцелевших эллинов, выбирая рабов.

Но не смирились сердца свободолюбивых милетян с рабством. У погибших повстанцев остались дети, избегнувшие угона в Персию. Жажда священной мести, дух вольности, любовь к поруганной отчизне питали ненависть, укрепляли непокорность угнетателям. Олимпийцами установлено – от лона матери до могильной ямы или

погребального костра жить эллинам свободными, рабство – удел варваров. Много горя принесли мидяне прекрасной Элладе, даже афинский Акрополь дважды опалил огонь пожарищ, святилище Двенадцати богов подверглось святотатству и разграблению. Ни один полис, ни одно селение не избежали беды, стон и плач стояли на всей эллинской земле, лишь хитроумная Спарта убереглась за Истмом от нашествия. Изворотливая герусия отправила на верную смерть доблестного басилея, вопреки договору отдав под его начало малую горсть гоплитов. Та бесстрашная тысяча смертью своей спасла честь Лакедемона, наполнив память потомков почтением к мужеству предков. Вопила от ужаса и боли попираемая башмаком поработителей эллинская земля, горные потоки окрашивались в красный цвет, поля тучнели, орошённые кровью. Не уставая благодарить олимпийцев за почётную смерть, достойные славы, отважные эллины, и зрелые мужи, и безбородые юноши умирали за отчие гнездовья, могилы предков, святилища богов. Стенали женщины, чьей нежной плотью насыщались грубые, похотливые варвары. Пузатые корабли грузились добычей, невольниками. Живые не успевали хоронить погибших, ибо гибли сами. Несчастные, неприкаянные души не погребенных воинов, павших в битве и отринутых Хароном, в тоске бродили по лесам и ущельям, пугая живых.

Но обломил зубы варварский дракон о доблесть эллинов. Сама Афина Паллада укрепила дух афинян после жестоких поражений и повела победоносно на несметные полчища прожорливой саранчи. Все полисы слали свои отряды в объединённое ополчение, даже Спарта принуждена была выставить войско. Дождался и Милет своего часа, часа искупления и священного мщения. У мыса Микале ионийские корабли примкнули к триерам собратьев-эллинов. Не щадя живота своего, бились милетяне с персами в море. Одни пали в сече, другие всю жизнь носили на теле отметины, свидетельства доблести, ни один не опозорил родителей, не увильнул от битвы. После

разгрома флота преследовали ненавистных варваров на горных тропах и дорогах, без жалости и пощады отнимая жизнь у святотатцев, убийц и насильников.

Так уж сложилась история, но не прошло года, чтобы не звенели мечи, не лилась кровь в бесконечных междоусобицах, стычках с сопредельными племенами и народами, но персидское нашествие раскололо время надвое, на «до» и «после».

Обрела Иония долгожданную свободу. Противу самодовольной, заносчивой Спарты, по примеру гордых, братолюбивых Афин установили милетяне у себя народовластие, завещанное бесстрашным героем Аристоргом, вождем утопленного в крови восстания.

Много воды излилось из клепсидры. На месте разрушенных домишек, теснившихся на кривых, бестолковых улочках, стараниями прозорливого Гипподама поднялись правильные кварталы домов, разделённых прямыми улицами, своими очертаниями поражающих чужестранцев. Отстраивались храмы, агора, рынки, театр. Театральная бухта превратилась в главный порт. Новые портовые склады наполнялись всевозможными товарами, которыми купцы торговали на местных рынках, возили в соседние города. Вновь Элладу и весь просвещённый мир удивляли узорчатые милетские ткани, которые не всякому горожанину были по карману, сосуды наполнялись розовым маслом, составлявшим славу Милета. Но главные купеческие пути сместились, бывшее величие не возвращалось, как и дидимский оракул, перенесённый святотатцем Ксерксом в далёкую Бактру.

Жрецы отворили храм, собравшись под колоннадой, под звуки кифар исполнили утренний гимн пробуждения. Принаряженные мужчины и женщины, выходя с городских улиц, спугнув стадо жалостно заблевающих овец, заполняли пустошь у храма. Тела их облекали белоснежные одежды, головы украшали венки из мирта, можжевельника, седого розмарина, дарящего цветы зимой. Сердца милетян трепетали в предвкушении радости великой, – блиста-

тельный Феб сегодня ждал жертвы. Жрецы в длинных лилейных хитонах спустились по ступеням храма, вновь зазвучали кифары. Обратив просветлённые лики к востоку, навстречу животворным лучам, паства запела пеан – гимн Аполлону. Не прекращая пения, расступившись и пропустив по живому коридору жрецов и кифаристов, слепилась в колонну. Не оглядываясь, жрецы начали движение. Поющая процессия миновала Священные ворота, ступила на Священную же дорогу, направляясь в объятья блистательного Феба. Сегодня он был всем: самим собой, Гелиосом, бело-конной лучезарной колесницей, наполнил животворным сиянием безбрежный Космос и сам был и сиянием, и Космосом. И своей жизнеутверждающей величиной вселял в души смертных благодать, умиротворение, бесконечную радость, соизмеримую лишь с величием самого божества.

Дорога поднималась вверх, грудь милетян наполнялась вольным, благоуханным весенним воздухом. Один гимн сменял другой, с обеих сторон на путников благосклонно взирали именитые предки, чья жизнь, благодаря неустанным заботам об общественном благе, продолжалась в мраморе. Осталась позади одетая в тёмную зелень кипарисовая роща, дорога сделала два поворота, выровнялась, впереди открылся Дидимейон. Часть колонн диптера оставалась разрушенной, некоторые восстановлены. Благодаря заботам храмовых жрецов у отёсанной каменной глыбы алтаря, покоившейся посреди открытого двора, лежали кучи дров, вкопанные в землю пифосы полнились водой, жареным ячменём, солью. При виде храма движение процессии, дотоле разнорядное, изменилось, приобретя ритмический характер. Руки, ноги двигались в такт, лица отмякли в благоговении, глаза ждали чуда. Музыка, усилившаяся благодаря стараниям храмовых кифаристов, отгородила внешний, повседневный мир, создав в каждой душе оазис благочестия. Процессия вошла во двор, окружив на некотором удалении божий стол. Заполнив пространство у диптера, человеческая

масса в своём движении слилась воедино, повернула вспять, пройдя десяток шагов, вновь развернулась. Поступательный шаг сменился танцем. Глаза жаждали бога, голоса наполнились ликованием. Исчезли отдельные «я», Креонты, Каллифонты, Хрисиппы, Этеоклы, Тимареты, Клеоники, Орифии истаяли дыханием. Не было ни «я», ни «мы». И «я», и «мы» переплавились в субстанцию, существующую в воле бога, жаждущую существовать лишь в божественной воле, и никак иначе. Главный жрец храма подал знак глашатаю, тот громгласным вскриком «Молчите!» прервал песнопения. Молящиеся словно ждали команды, вмиг пресеклись голоса, потные тела застыли изваяниями. Благоговейная тишина нарушилась вибрирующим голосом жреца, вознёсшего молитву могущественнейшему из богов, Мойрагету, Алексикакосу. Взоры обратились ввысь, в бездонный голубой купол и встретились со взглядом божества. Сердца смертных изнывали от счастья. Едва молитва закончилась, по живому коридору к жертвеннику подогнали тучных овец. Главный жрец выхватил головню из пылавшего на алтаре кострища, сунул в пифос с водой, раздались шипение, полетели брызги, поднялся пар. Служители божьего жилища осыпали животных ячменём, солью, омыли руки в освящённой огнём алтаря воде, швыряли её пригоршнями на овец, паству. Молящиеся тянули руки, подставля-

ли лица, стараясь поймать хоть каплю святой воды. Вновь зазвучали кифары, высоко взлетели женские голоса. Под эти звуки ловкие, натренированные руки оглушали дубинками животных, острыми ножами взрезали горло, свежевали, потрошили, отделяли мякоть, идущую в пищу богам. Трапеза олимпийцев началась.

Положенное богам возносилось жирным дымом в небеса, предназначенное жрецам унесли в часовню, остальное раздали пастве. Едва ли ощущая от восторга вкус, – не каждый день смертный трапезничает совместно с олимпийцами, – паства вкушала жареное мясо, запивая вином, захваченным из дома. Главное заключалось не в величине куска, доставшегося при раздаче, главное заключалось в соучастии. Бог принял жертву благосклонно, возрадовал льнувшие к нему души. Всё, что происходило до сих пор: пение, танцы, молитвы – сотворилось с одной целью, показать богу своё благонаравие, боголюбие, умиловить олимпийца. И олимпийцы снизошли к смертным, соединившись с ними в совместной трапезе, облагодетельствовав своей снисходительностью и благосклонностью.

Утомлённые шествием, танцами, изнурённые душевным трепетом, но довольные благорасположением божества, благочестивые милетяне вернулись в город, дабы продолжить праздник у домашних алтарей.

(Продолжение следует)

Становление

Роман

Кол-во страниц: 276

Формат: А5

Обложка и переплет:

твёрдый

Купить книгу по ссылке:

<http://planeta-knig.ru/shop/1657/desc/stanovlenie>